

- Brian J.-P.* L'oléiculture et la viticulture antiques en Gaule d'après les vestiges d'installations de production // La production du vin et de l'huile en Méditerranée. Bulletin de correspondance hellénique. Paris, 1993. Sup. XXVI.
- Empereur J.-Y.* La production viticole dans l'Égypte ptolémaïque et romaine // La production du vin et de l'huile en Méditerranée. Bulletin de correspondance hellénique. Paris, 1993. Sup. XXVI.
- Genov J.* Vorbereitung des Weins und Weinsorten in Byzanz // Etudes balkaniques. Sofia, 1989. 2.
- Marangou A.* Le vin de Crète de l'époque classique à l'époque impériale : un premier bilan // La production du vin et de l'huile en Méditerranée. Bulletin de correspondance hellénique. Paris, 1993. Sup. XXVI.
- Minns E.* Scythians and Greeks. Cambr., 1913.
- Müller K.* Woher stammen unsere Kulturreben // Wein und Rebe. 1937. № 9.
- Osborn R.* Classical Landscape with Figures (The Ancient Greek City and its Countryside). London, 1987.
- Techniques et économie. Discussions présentées par Marie-Claire Amouretti // La production du vin et de l'huile en Méditerranée. Bulletin de correspondance hellénique. Paris, 1993. Sup. XXVI.

VINOKUROV N. I.

ACCLIMATIZATION OF VINE AND THE INITIAL PERIOD OF THE VITICULTURE DEVELOPMENT IN THE NORTHERN BLACK SEA COAST

Summary

The initial period of viticulture development in the Northern Black Sea Coast was not researched and this article is the attempt to generalize and analyze all data, which are available for the author on this problem. There are no written sources about this period of cultivating vine, that is why palaeobotanical materials obtained in the course of archaeological research are of particular importance. At the beginning of the article there is a short review of the origin and domestication of a grapevine.

It is known that by the beginning of Greek colonization of the Black Sea Coast the local population had already been engaged in viticulture for winemaking. Greek migrants brought well-known and usual for them sorts of vine. In Olbia acclimatization of vine dates back to the 5th century BC, but the first vine stones are dated back only to the 4th – 3rd centuries BC. The first attempts to grow vine in Bosporos are usually dated back to the 6th – 5th centuries BC. Vine stones were found during excavations of Bosporan cities and settlements dating back to the 5th – 4th centuries BC. In Chersonesos on palaeobotanical materials we can see the initial period of acclimatization of vine which took place in the 5th – 4th centuries BC.

А. В. ГАВРИЛОВ, М. Г. КРАМАРОВСКИЙ

КУРГАН У СЕЛА КРИНИЧКИ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

В 1997 году Старокрымская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа (Россия) провела раскопки кургана находящегося в 0,4 км к юго-западу от села Кринички Кировского района АР Крым [Крамаровский 1997, с. 16; Крамаровский, Хаврин 1998, с. 22] (рис. 1, I). Курганный могильник (государственный учетный № 2167) из двух задернованных и нескольких сильно распаханых насыпей располагался у подножья восточного пологого склона горы Таз Агармыш. Две задернованные насыпи находятся в 0,2 км к западу от водонасосной станции Старокрымского противотуберкулезного санатория. Большая насыпь до 60-х гг. XX века использовалась под христианское кладбище села Кринички. Распаханные насыпи находились в 0,25-0,5 км к западу, северо-западу от водонасосной станции или в 0,6-0,9 км к востоку от шоссе Старый Крым – Золотое Поле на поле. По причине активной многолетней распашки они были почти полностью с nivelированы и выделялись на поверхности поля едва уловимыми глазом всхолмлениями высотой 0,3 м, диаметром 10-15 м. На поверхности некоторых из них имеются скопления мелких бутовых известняковых камней.

Одна из распаханых насыпей была раскопана вручную. На ее поверхности и вокруг были собраны фрагменты гераклейских и синопских (рис. 3, 5) амфор IV в. до н.э. [ср.: Монахов 1992, табл. 8, 46], лепной керамики, кремневых орудий и отщепов. Раскопки производились на площади 9x15 м, для изучения стратиграфии были оставлены две бровки в направлении с востока на запад и три – с севера на юг. За репер и условный центр кургана, от которого производились отсчеты, была принята высшая точка, примерно соответствующая центру насыпи (рис. 1, II). В ходе раскопок было выявлено семь погребений: 2 – кеми-обинской культуры (№№ 1, 5); 4 – скифского времени (№№ 2, 3, 4, 6); 1 – средневекового кочевника (№ 7).

ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ

Погребение № 1, кеми-обинской культуры, основное (рис. 2). Выявлено в 2,3 м к югу от репера на глубине 0,23 м от условной нулевой точки по известняковым камням перекрытия, которое имело вид округлой в плане куполообразной наброски из бутовых известняковых камней разных размеров. Ее размеры 2,8x3,0 м, верхняя часть наброски была разрушена при строительстве склепа (погребение № 3). Среди камней было

обнаружено несколько фрагментов древесного тлена и нижняя челюсть взрослого мужчины 35-40 лет*, которая попала сюда в результате вышеуказанного разрушения.

Древесный тлен, очевидно, остался, от плах или бревен перекрытия могильной ямы, поверх которых была уложена каменная наброска. Под камнями наброски находился слой глины мощностью 0,3 м, в заполнении могильной ямы попадались древесные угольки. Яма была выкопана с уровня древней дневной поверхности (-0,54 м от 0), она почти круглой в плане формы, слегка вытянута по оси север-

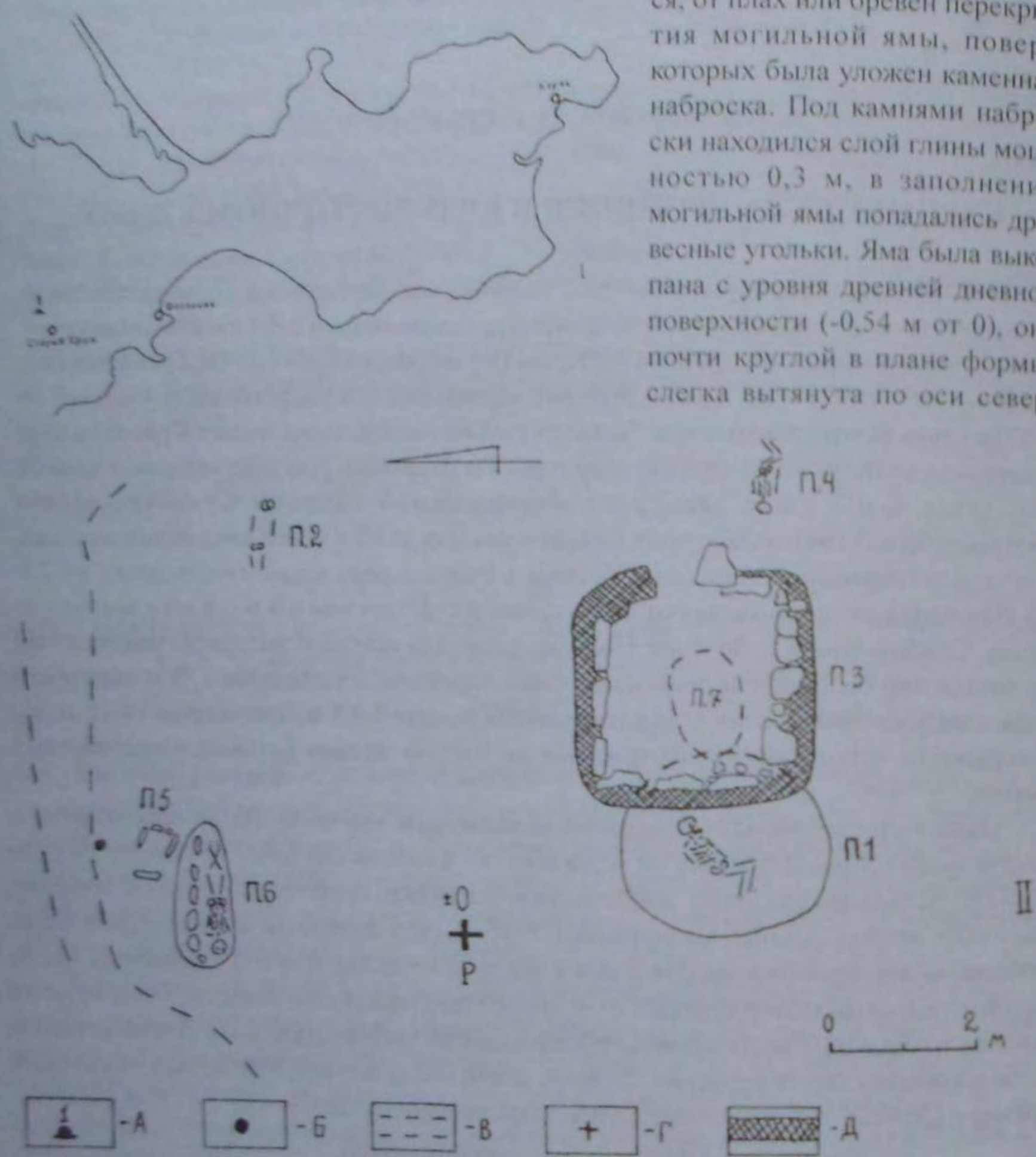

Рис. 1. I – местонахождение кургана у села Кринички в Юго-Восточном Крыму; II – план кургана у села Кринички.

А – курган; Б – лепной сосуд с наклепками-ушками; В – остатки рва; Г – условный центр кургана; Д – глиняный развал сырцовых стен склепа № 3.

* Определение востей скелетов выполнил сотрудник Института антропологии и этнографии им. Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия) А. В. Громов.

северо-восток – юг, юго-запад, размеры 2,8х 3,4 м, глубина от уровня ДДП 0,54 м. Стенки прямые, дно неровное, понижается к центру. Возможно, яма имела уступ, который обвалился. На него были уложены плахи или бревна перекрытия, тлен от которых зафиксирован среди камней наброски.

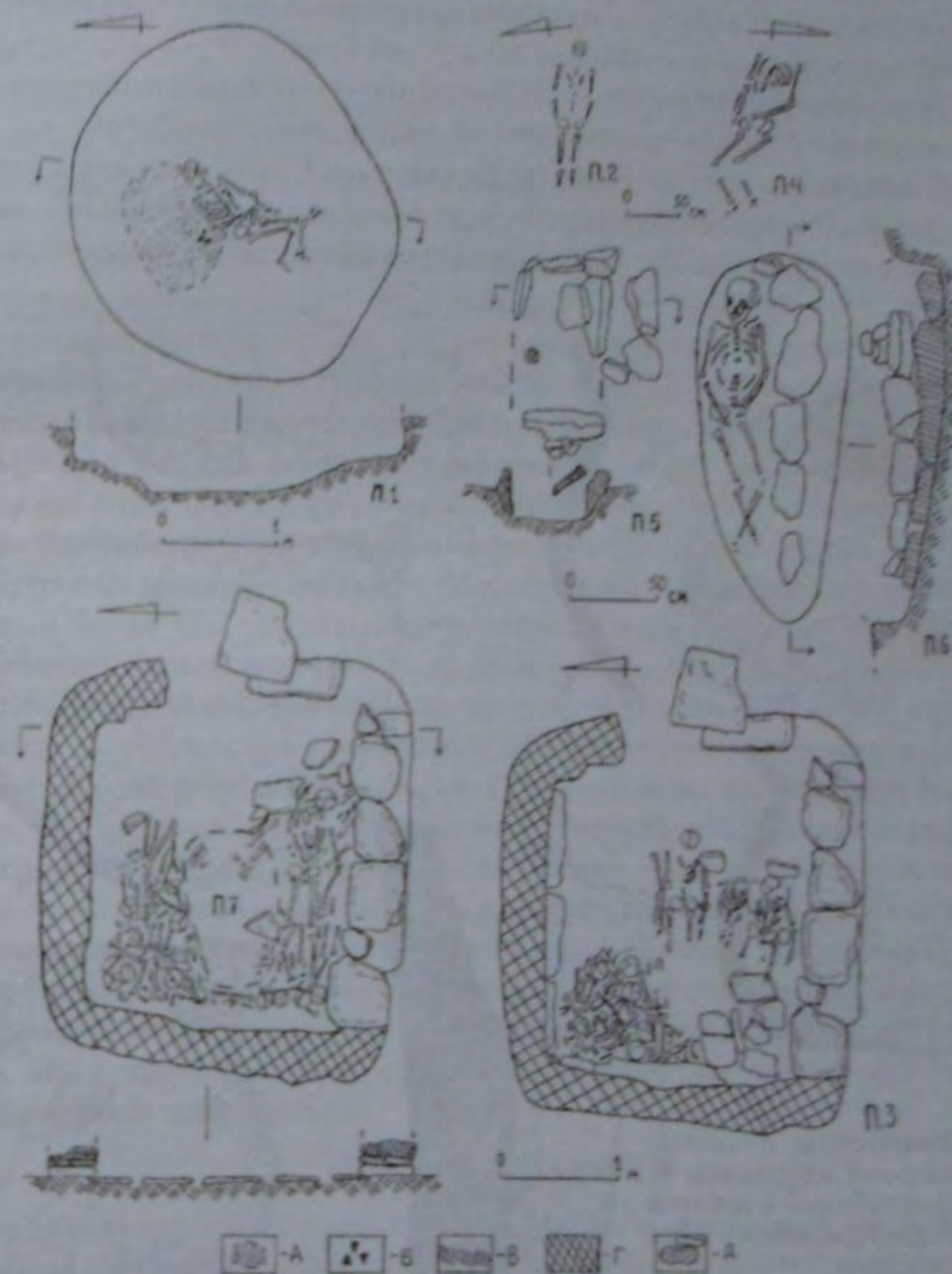

Рис. 2. Планы и разрезы погребений №№ 1-6 в кургане у села Кринички.

Скелет мужчины 35-40 лет лежал на левом боку, головой ориентирован на северо-восток, ноги согнуты в коленях под углом 45°. Правая рука согнута в локте, ее кисть находится между костями грудной клетки и таза. Левая рука вытянута к коленям. Дно

могилы, особенно его северная часть, а также череп погребенного обильно засыпано (залито?) слоем красной охры. На дне, рядом с костяком найдены древесные угольки. Безинвентарное.

Погребение № 2, скифского времени, впускное (рис. 2). Выявлено в 6 м к северо-востоку от репера, на глубине 0,6 м от 0. Контуры могильной ямы в грунте насыпи не прослеживаются. Скелет взрослого мужчины плохой сохранности лежал в вытянутом положении, головой ориентирован на запад – юго-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. В заполнении, рядом с мелкими фрагментами черепа был найден небольшой фрагмент височного бронзового проволочного кольца диаметром 2,4 см.

Погребение № 3, скифского времени, впускное (рис. 2). Выявлено в 2,3 м к юго-востоку от репера. Оно располагалось непосредственно над погребением № 1, частично перекрывая его восточную часть. Под сооружение склепа в центре первичной насыпи

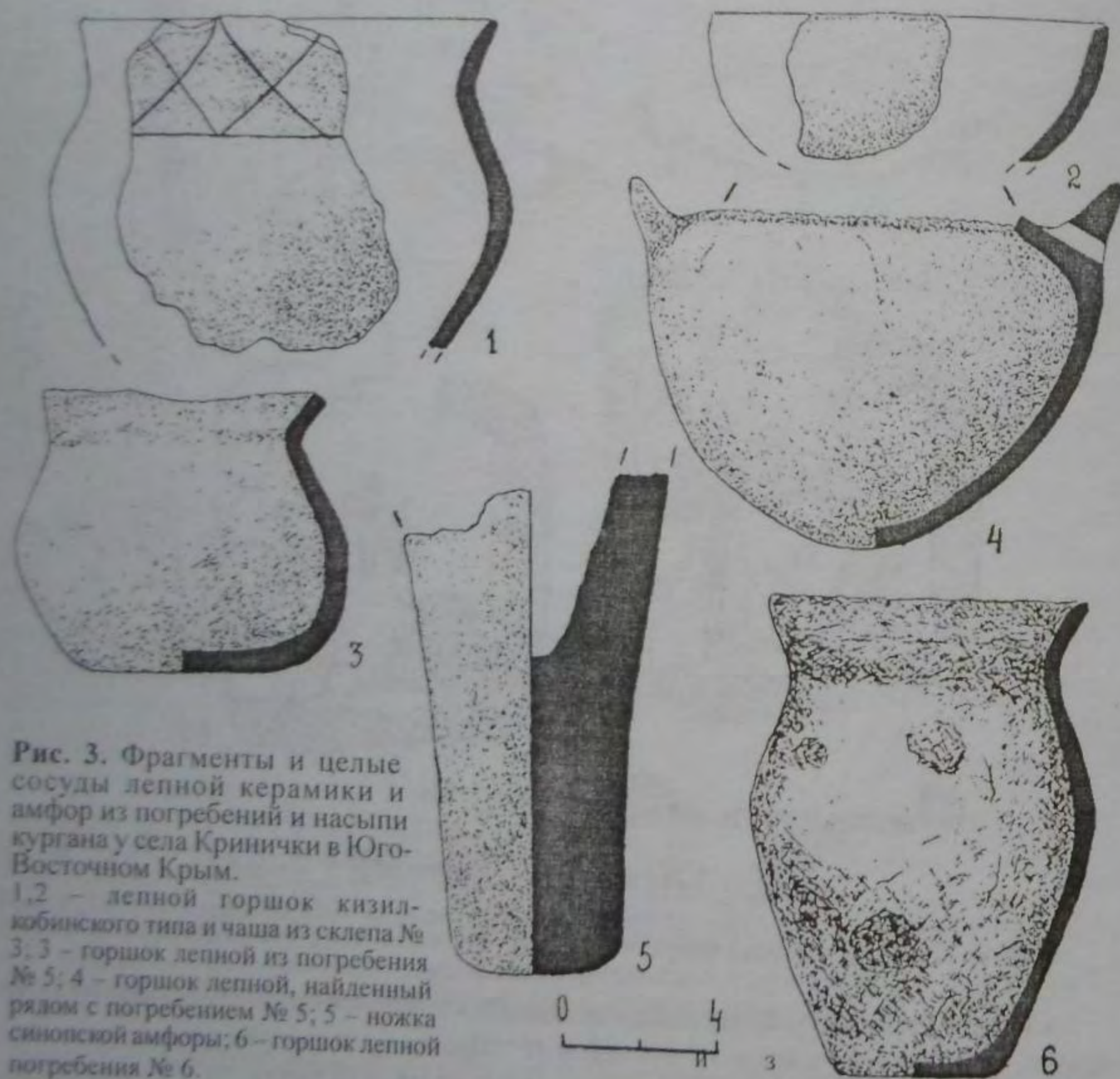

Рис. 3. Фрагменты и целые сосуды лепной керамики и амфор из погребений и насыпи кургана у села Кринички в Юго-Восточном Крыму. 1, 2 – лепной горшок кизил-кобинского типа и чаша из склепа № 2; 3 – горшок лепной из погребения № 3; 4 – горшок лепной, найденный рядом с погребением № 5; 5 – ножка синопской амфоры; 6 – горшок лепной погребения № 6.

был выкопан котлован до уровня материковой глины. При этом была разрушена каменная наброска над погребением № 1. Величина котлована, очевидно, соответствовала размерам склепа.

Склеп почти квадратной в плане формы, слегка вытянут по оси восток – запад, его внешние размеры составляют 3,0x3,4 м. Стены склепа имели следующую конструкцию: в основание стен (цоколь) непосредственно на материк были уложены плашмя плоские рваные известняковые плиты разных размеров (0,48x0,60x0,10, 0,27x0,78x0,15 м и др.) в 1-3 слоя для придания верхней поверхности цоколя одинакового горизонтального уровня. На цоколе были выложены стены из сырцовых кирпичей размером 32x40x9,0 см. На некоторых участках стен склепа прослежено пять слоев сырцовых кирпичей, которые скреплялись между собой глиняным раствором. Ширина стен составляла 0,4-0,5 м, пол был вымощен тонкими плитами мелкозернистого слоистого песчаника разных размеров (до 0,68x0,90x0,05 м). Причем края плит вымостки пола находились под плитами цоколя. Пол имел ровную, почти горизонтальную поверхность. Внутренние размеры склепа составляли 2,10x2,50 м. Вход в склеп находился в восточной стенке, он закрывался каменной плитой размером 0,65x0,70x0,15 м. Свод склепа не сохранился, очевидно, он был разрушен при совершении впускного средневекового погребения (№ 7), отдельные находки из которого были обнаружены в верхней части заполнения склепа (рис. 5, 6-12).

Внутреннее пространство склепа было заполнено разрушенными и почти целыми костяками более чем тридцати погребенных: взрослых и детей. Захоронения производились последовательно, кости предшествовавших погребенных сдвигались к западной, северной и южной стенкам, при этом часть костей оставалась в сочленении. In situ частично сохранились лишь костяки двух погребенных в верхнем ярусе, которые, похоже, были захоронены последними. Они лежали на небольших известняковых плитках, выполнявших роль условного пола поверх грунта и костей от разрушенных предыдущих погребений. Сохранившиеся костяки лежали в вытянутом положении, головой ориентированы на восток, руки вытянуты вдоль туловища. У скелета № 1 на костях предплечий обеих рук чуть выше локтевых суставов находились браслеты из толстой бронзовой проволоки со слегка утолщенными разомкнутыми концами (рис. 4, 1, 2), а на пальце левой руки – бронзовый щитковый перстень (рис. 4, 10). Как на дне склепа, так и среди сдвинутых к стенкам костей, был обнаружен инвентарь, принадлежавший погребенным.

ОПИСАНИЕ НАХОДОК

Бронзовый трехгранный наконечник стрелы с утопленной втулкой и плоско срезанными гранями, его длина 2 см (рис. 4, 5); два бронзовых проволочных браслета (один детский) с разомкнутыми, заходящими друг за друга концами, оформленными в виде стилизованных головок змей (рис. 4, 3, 4); два бронзовых браслета из толстой проволоки (диаметр в сечении 0,6 см) со слегка утолщенными разомкнутыми концами. Концы одного из них украшены орнаментом из врезных линий (рис. 4, 1, 2); два бронзовых проволочных височных кольца с разомкнутыми заходящими друг за друга

концами (рис. 4,15,16); четыре бронзовых височных подвески из проволоки в полтора оборота с развернутыми в разные стороны концами. Они оформлены в виде четырехгранных вытянутых пирамидок с четкими гранями. Вершины пирамидок оформлены как шариками, так и такими же маленькими пирамидками, но

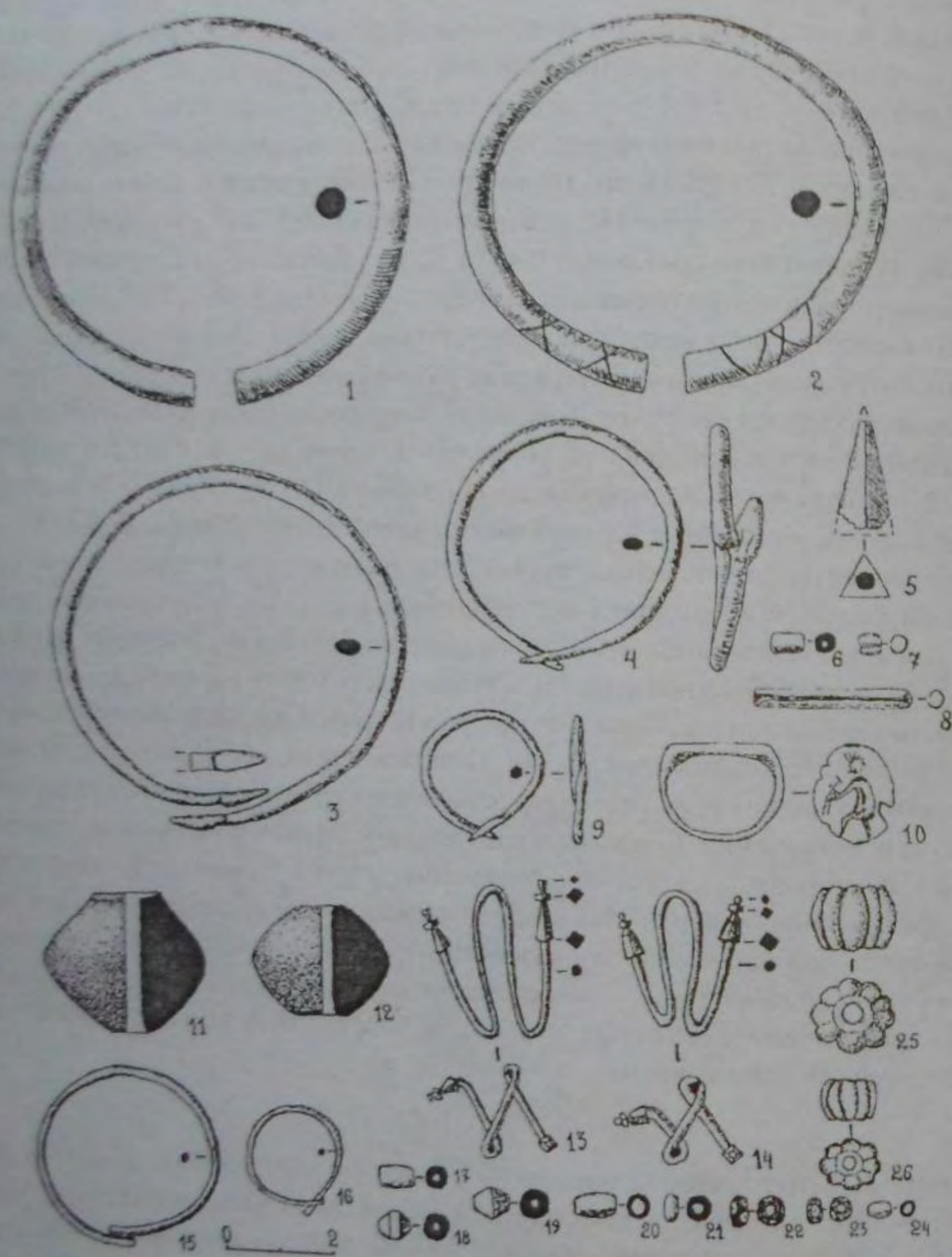

Рис. 4. Материал из склепа №3 в кургане у села Кринички в Юго-Восточном Крыму. 1,2,3,4 – браслеты бронзовые; 5 – наконечник стрелы; 6 – бусина серебряная; 7,8 – бусы-пронизи бронзовые из тонкого листового металла; 9 – кольцо бронзовое; 10 – перстень бронзовый; 11,12 – прясла глиняные; 13,14 – подвески спиралевидные бронзовые; 15,16 – кольца височные бронзовые; 17 – бусина каменная; 18,19 – бусины стеклянные; 20,21,24 – бусины стеклянные; 22,23 – бусины глазчатые из синего стекла; 25,26 – бусины округлоробристые из синего стекла.

обращенными вершинами вниз (рис. 4,13,14); четыре бронзовых щитковых перстня, один из них с несомкнутыми концами. На плоских, овальных в плане щитках каждого перстня имеются вырезанные изображения-инталии. На одном из них изображен сидящий кузнец(?), держащий в правой руке молоток, а в левой – неясный предмет (рис. 4,10). Второй и третий перстни имеют изображение стоящей фигурки человека в длинной одежде (хитоне?). На четвертом перстне изображение не ясно; бронзовое проволочное кольцо с несомкнутыми, заходящими друг за друга концами, один из которых оформлен в виде стилизованной головки змеи. Оно было обнаружено непосредственно на фаланге пальца (рис. 4,9); фрагменты бронзовых колец из тонкой проволоки, которые, очевидно, использовались в качестве подвесок (рис. 4,15,16). Два глиняных лепных пряслица округло-биконической и округло-биконической со слегка вогнутым верхним торцом формы (рис. 4,11,12).

БУСЫ. Бронзовые бусы в виде длинных (2 ед.) и коротких (43 ед.) пронизей-трубочек, свернутых из тонкого листового металла (рис. 4,7,8). Одна серебряная бусина в виде короткого цилиндра с тонким отверстием (рис. 4,6). Одна бусина цилиндрической формы, изготовленная из плотного коричневого камня, ее поверхность хорошо заполирована (рис. 4,17).

Маленькие стеклянные округлые поперечносжатые бусы светло-желтого цвета (17 ед.) (рис. 4,21). Маленькие стеклянные округлые поперечносжатые и бочковидные с гладкими краями бусы темно-желтого цвета (5 ед.) (рис. 4,20,21). Маленькие стеклянные округлые поперечносжатые и бочковидные с гладкими краями бусы темно-коричневого цвета (6 ед.) (рис. 4,21,24). Это бусы с тонкой внутренней металлической прокладкой и датируются III в. до н.э. - IV в. н.э. [Алексеева 1978, с. 28, тип 1.2A].

Кольцевидная бусина из темно-красного стекла с глазками из синего стекла, обведенными белой пастой (рис. 4,22). Такие бусы датируются IV-III вв. до н.э. [Алексеева 1975, с. 60, тип 27]. Биконическая стеклянная бусина светло-зеленого цвета (рис. 4,19). Эти бусы бытовали с конца VI в. до н.э. по IV в. до н.э. [Алексеева 1978, с. 68,69]. Кольцевидная бусина из светло-зеленого стекла (рис. 4,21). Кольцевидная и биконическая бусины из синего стекла (рис. 4,18,22). Эти типы бус были в употреблении с VI в. до н.э. по IV в. н.э. [Алексеева 1975, с. 64, тип 15]. Шаровидная бусина из синего стекла, тип которых бытовал в III в. до н.э. - IV в. н.э. [Алексеева 1978, с. 64, тип 8]. Кольцевидная глазчатая бусина из синего стекла. Глазки синие, углубления вокруг них заполнены белой пастой (рис. 4,23); две округлоробристые бусины из полупрозрачной стекловидной массы темно-бирюзового цвета (рис. 4,25,26). Они датируются IV-III вв. до н.э. [Алексеева 1978, с. 71, тип 149].

У входа в склеп под лежащей закладной плитой был найден маленький фрагмент чернолакового килика с изображением пальметты и фрагмент венчика чернолощеного лепного сосуда кизил-кобинского типа, который украшен орнаментом из врезных линий (рис. 3,1). Кроме этого в заполнении склепа были найдены мелкие фрагменты стенок амфор и лепной чаши (рис. 3,2).

В верхней части заполнения склепа были найдены вещи, принадлежавшие разрушенному средневековому кочевническому погребению – № 7, которое почти

полностью уничтожено плантажной распашкой или при ограблении. К данному погребению относится следующий инвентарь: бронзовый поясной штампованный наконечник, украшенный по периметру узким рифленным пояском. К ремню он крепился при помощи заклепок (рис. 5, 11). Такой наконечник характерен для салтовских, хазарских и печенежских памятников [Федоров-Давыдов 1976, с. 72];

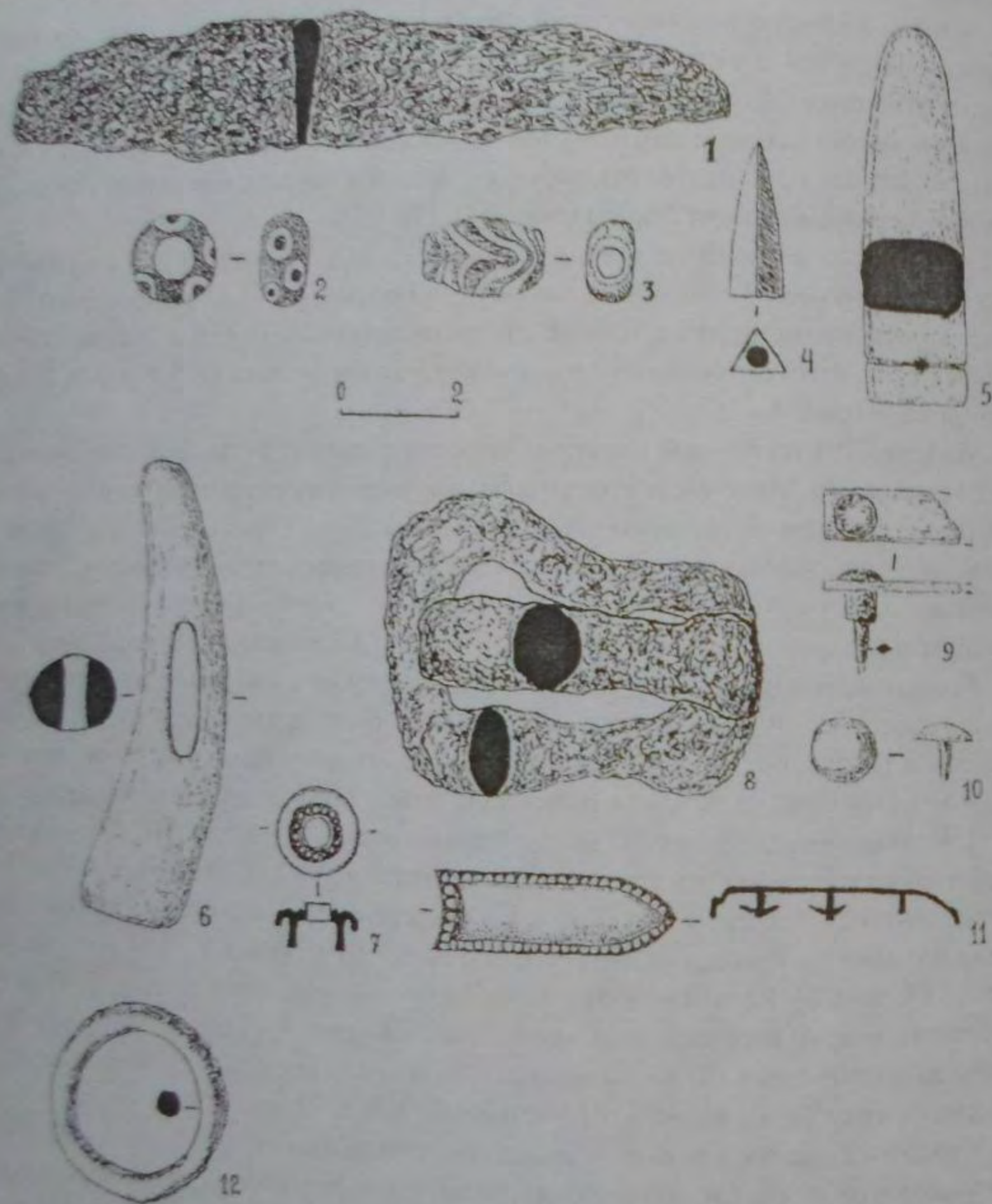

Рис. 5. Материал из погребений в кургане у села Кринички в Юго-Восточном Крыму. Погребение № 6: 1 – нож железный; 2 – бусина глазчатая из синего стекла; 3 – бусина стеклянная; 4 – наконечник стрелы бронзовый; 5 – оселок. Погребение № 7: 6 – псалий костяной; 7 – крышка футляра бронзовая; 8 – пряжка железная; 9 – пластины костяной с гвоздиком железным фрагмент; 10 – заклепки бронзовые; 11 – наконечник для ремня бронзовый.

бронзовое литое кольцо (рис. 5, 12); шесть бронзовых гвоздиков-заклепок с полусферической шляпкой (рис. 5, 10); бронзовое изделие, очевидно, навершие амулетницы или игольницы (рис. 5, 7); железная пряжка с подвижным язычком (рис. 5, 8); фрагменты костяных накладок с железными гвоздиками (рис. 5, 9); костяной псалий (рис. 5, 6). Кроме этого, здесь же были обнаружены мелкие невыразительные фрагменты железных изделий, а так же кости черепа и ног лошади. Вокруг склепа было найдено небольшое количество фрагментов костей, очевидно, относящихся к данному средневековому погребению. В целом, инвентарь из данного погребения позволяет отнести его к крымскому варианту салтово-маяцкой культуры и датировать VIII-X вв.

Погребение № 4, скифского времени, впускное (рис. 2). Выявлено в 6,60 м к юго-востоку от репера, на глубине 0,4 м от 0. Контуры могильной ямы в черноземе насыпи не прослеживаются. Скелет взрослого человека плохой сохранности лежал на спине, головой ориентирован на запад, ноги были слегка подогнуты в коленях, упали направо. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, ее кисть находится на тазовых костях. Череп не сохранился, однако, в заполнении в районе головы найдены мелкие фрагменты бронзового изделия, очевидно, височных колец.

Погребение № 5, кеми-обинской культуры, впускное (рис. 2). Выявлено в 4,1 м к северо-востоку от репера на глубине 0,56 м. Частично разрушенный каменный ящик был сложен из небольших известняковых плит размером 0,45x0,30x0,10 м, по длинной оси он ориентирован с востока на запад. При сооружении ящика его стенки были вкопаны в грунт с уровня древней дневной поверхности на 0,22 м. Его внешние размеры: 0,86x0,60 м, внутренние – 0,63x0,40 м, глубина от внешнего края плит до уровня дна – 0,32 м. Дно грунтовое, неровное, понижается к центру. Перекрытие ящика также состояло из небольших известняковых плит и было разрушено при плантажной распашке.

Костяка в ящике не было, возможно, он принадлежал ребенку грудного возраста и не сохранился. На дне у середины северной стенки стоял лепной горшок. Его высота 7 см, диаметр устья 7,3 см, диаметр по плечикам 8,8 см, диаметр дна 5,7 см. Поверхность грубо заглажена, венчик оформлен в виде слива (рис. 3, 3).

В 0,8 м к северу от северной стенки ящика на глубине 0,85 м (уровень древней дневной поверхности) был обнаружен лепной горшок с яйцевидным дном, на его плечиках сделаны налепы-ушки с отверстиями для подвешивания. Венчик сбит, поверхность грубо заглажена (рис. 3, 4).

Погребение № 6, скифское, впускное (рис. 2). Выявлено в 3,10 м к северу – северо-востоку от репера, на глубине 0,68 м от 0, непосредственно за южной стенкой ящика погребения № 5. Погребение совершено в яме с подбоем, которая ориентирована по длинной оси с востока на запад. Ее размеры 1,10x1,95 м, прослеженная высота подбоя 0,40 м, очевидно, он был чуть выше. У северной стенки входной ямы была сделана невысокая приступка шириной 0,10 м, дно подбоя ниже дна входной ямы на 5-7 см. Подбой был закрыт бутовыми известняковыми камнями разных размеров. На дне подбойной ямы лежал скелет женщины 40-45 лет, уложенной вытянуто на спине.

головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища, слегка согнуты в локтях, их кисти находились на нижней части тазовых костей. Ноги вытянуты, перекрещены в голених.

В 10 см к северо-западу от черепа лежал лепной горшочек, на тазовых костях у кистей рук – железный нож, слева от тазовых костей – фрагменты полностью окислившегося бронзового предмета, слева от костей левой руки – каменный оселок. На костях левой руки, чуть ниже локтевого сустава – фрагменты железного проволочного предмета и кремневый отщеп. Слева от костей грудной клетки найден наконечник стрелы, четыре бусины и створка раковины *unio*.

Описание находок: лепной плоскодонный горшочек вытянутых пропорций. Венчик невысокий, отогнут наружу, поверхность грубо заглажена. Высота 12 см, диаметр устья 7,8 см, диаметр по плечикам 8,5 см, диаметр дна 4,3 см (рис. 3,6); железный нож с горбатой спинкой и прямым клиновидным в сечении лезвием. Длина 12,1 см, ширина 2 см, толщина 0,4 см (рис. 5,1); каменный оселок (амулет-чуринга?) конусовидной формы, подквадратный в сечении. В верхней части имеется врезной желобок для подвешивания, на одной из сторон намечено ямкой место для просверливания. Размеры: длина 6,1 см, ширина 1,2-1,4 см (рис. 5,5); бронзовый трехгранный со скрытой втулкой наконечник стрелы с плоско срезанными гранями, длина 2,5 см (рис. 5,4); три бусины из синего стекла с синими глазками, углубления вокруг которых заполнены белой пастой (рис. 5,2). Одна бусина плоско-биконической формы из темного черного стекла с желтыми фестонами (рис. 5,3).

Стратиграфия кургана вследствие активной распашки не отражает ситуации, связанной с последовательностью погребений. Можно лишь отметить, что материковая глина залегала на глубине 0,60-0,75 м от уровня современной дневной поверхности насыпи. Соответственно, уровень древней дневной поверхности, на которой велось сооружение основного погребения № 1, не сохранился из-за плантажной распашки и других факторов. Зафиксированные в северном секторе кургана остатки ровика шириной до 1,10 м и глубиной до 0,20 м свидетельствуют, что диаметр первичной насыпи над погребением № 1 мог составлять 17,60 м. В нее были впущены все остальные захоронения: № 5 – кеми-обинской культуры; №№ 2, 3, 4, 6 – скифские; № 7 – средневековое. Не исключена досыпка кургана после сооружения в нем склепа № 3.

Основное захоронение № 1, совершенное в большой яме округлой формы, на левом боку с ориентацией на северо-восток, является обычным для погребальных памятников этой культуры в Крымском предгорье. Использование дерева для перекрытия могильной ямы и камня для сооружения наброски над ней, а также глины для покрытия погребенных характерно для кеми-обинских погребений [Щепинский 1985, с. 333; Гаврилов 1991, с. 58; 1995, с. 2]. Использование камня при строительстве погребальных сооружений носителями этой культуры, несомненно, связано с повсеместным наличием его месторождений в предгорьях. В синхронных подкурганых погребениях ямной культуры, исследованных в степной зоне региона в двадцати километрах севернее, бутовый известняковый камень для набросок почти не использовался. Для перекрытия могильных ям чаще употребляли дерево [Колтухов, Кислый, Тошев 1994, с. 19; Гаврилов 1995, с. 3].

К кеми-обинской культуре относится и впускное погребение № 5, совершенное в небольшом каменном ящике. Лепной горшочек из данного погребения, а также лепной горшок с налестами-ушками, найденный поблизости от ящика, характерны как для ямной, так и кеми-обинской культур [Щепинский, Черепанова 1969, с. 140, рис. 54,8, с. 145, рис. 58,8, с. 210, рис. 78,7; Шалошникова 1985, с. 349; Щепинский 1985, с. 333; Колтухов, Тошев 1998, с. 162]. В целом, эти материалы позволяют датировать основное и впускное кеми-обинские погребения концом III – началом II тыс. до н.э.

Из впускных погребений, которые мы условно отнесли к скифским, наибольший интерес представляет № 3. Каменно-сырцовый склеп сооружен в центре существующей насыпи, при этом на ее вершине предварительно был выкопан котлован до уровня материка. Судя по закладной плите, склеп имел дромос и вход с восточной стороны, которые по устройству, очевидно, были похожи на исследованные в скифских подкурганых склепах на Керченском полуострове [см.: Яковенко 1970, с. 119, 132]. Устройство дромоса и входа в склеп с восточной стороны было характерно для скифских подкурганых погребений Европейского Боспора в IV в. до н.э. Сверху склеп, очевидно, был перекрыт деревянным настилом, поверх которого иногда укладывались известняковые плиты. Такая конструкция перекрытия применялась в некрополях античных поселений Северо-Западного Крыма [Рогов 1985, с. 46] и Азиатского Боспора [Алексеева 1990, с. 26]. Нужно отметить, что сырцовые кирпичи из данного склепа и погребальных сырцовых сооружений в античных некрополях Северо-Западного Крыма, имели почти одинаковые размеры [ср.: Рогов 1985, с. 45].

Строительство сырцовых стен на каменном цоколе – прием распространенный в античных как сельских, так и городских постройках Северного Причерноморья [Крыжицкий 1993, с. 51]. Под влиянием греков распространился он и на варварских поселениях, в частности, на территории Европейского Боспора и сельской округе Феодосии [Кругликова 1975, с. 44, 78, 80; Гаврилов 1999, с. 77]. Сырцовые гробницы не характерны для скифских погребальных сооружений. Их появление – результат влияния греческих строительных приемов на погребальную архитектуру варваров. Отмечено, что такие конструкции присущи в основном греческому населению ионийских колоний [Уженцев 1999, с. 270]. Известны они в некрополях античных городов и поселений в Северо-Западном Крыму, в частности Калос Лимена [Кутайсов и др. 1997, с. 180], поселения Панское I [Щеглов 1978, с. 46-49; Рогов 1985, с. 45]. На Боспоре применение сырцового кирпича для строительства погребальных сооружений отмечено в некрополях Нимфея, Фанагории, Гермонассы, Кеп, Горгиппии [АГСП 1984, с. 62, 80, 85], а также в могильниках варварского населения Прикубанья и Северного Кавказа [Ольховский 1991, с. 49]. В нашем случае, античное влияние на технику строительства склепа несомненно, хотя погребальный инвентарь и обряд явно присущи варварскому населению. В целом, погребальные комплексы подобного типа свидетельствуют о сильном синкретизме культур.

Вследствие многократных подзахоронений в склеп, костяки большинства погребенных были переотложены, поэтому проследить обряд захоронения в полном объеме не удалось. Однако, учитывая известные материалы погребальных памятников

Европейского Боспора, можно утверждать, что основное количество захороненных нижнего яруса данного склепа имело западную ориентировку [см. например: Яковенко, Черненко, Корпусова 1970, с. 136; Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988; Масленников 1995]. Сохранившиеся костяки верхнего яруса, которые были отделены от нижележащих останков небольшим слоем грунта и уложены на тонкие известняковые плитки, имели восточную ориентацию. С чем это связано, пока объяснить трудно. Можно отметить, что сходная ситуация наблюдалась в каменных ящиках и склепах Крымского Приазовья [Масленников 1995, с. 49].

Количество погребального инвентаря невелико, но показательно. Бронзовый трехгранный наконечник со скрытой втулкой и плоско срезанными гранями – обычная находка в погребениях скифского времени и датируется в широких рамках: IV – началом III вв. до н.э. [Мелюкова, 1964, с. 25].

Бронзовые проволочные браслеты представлены двумя типами: 1 – с заходящими друг за друга концами, оформленными в виде стилизованных головок змей; 2 – со слегка расширяющимися несомкнутыми концами. В одном случае концы орнаментированы врезными линиями. Оба типа часто встречаются как в скифских погребениях на Европейском Боспоре [Яковенко, Черненко, Корпусова 1970; Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988, с. 55; Масленников, 1995], так и на поселениях сельской округи Феодосии [Кругликова 1959, с. 67; Гаврилов 1997, с. 75; 1998а, с. 15; 1999, с. 86]. Характерны они и для вещевого комплекса таврских памятников горного Крыма [Лесков 1965, с. 60, рис. 20,31,34; Крис 1981, с. 48; Колотухин 1996, с. 47], датируются V-IV вв. до н.э.

Бронзовые подвески в полтора оборота в виде спирально изогнутой проволоки с развернутыми в разные стороны концами, которые оформлены в виде четырехгранных пирамидок с шариками на вершинах или такими же, но меньшими по размеру пирамидками. Они аналогичны подвескам из курганных и грунтовых могильников Европейского Боспора [Яковенко 1970, с. 125; Бессонова и др. 1988, с. 54; Масленников 1995, с. 41] и датируются серединой V – IV вв. до н.э. Створка разъемной формы для отливки именно таких украшений происходит из раскопок Нимфея, что подтверждает их местное производство [Силантьева 1976, с. 132]. Очевидно, что этот тип украшений был привнесен в варварскую среду греками, поскольку он не характерен для скифской и таврской культур.

Щитковые перстни с вырезанными изображениями – характерная находка в античных некрополях IV в. до н.э. Их распространение у варварского населения Крыма – также результат влияния эллинской культуры [Яковенко 1970, с. 125; Бессонова и др. 1988, с. 56].

Бронзовые проволочные кольца небольшого диаметра – обычная находка в погребальных комплексах таврского и скифского населения Крыма. Они использовались как серьги, височные подвески и ношения на пальцах руки [ср. Бессонова и др. 1988, с. 54]. Время их бытования укладывается в общее русло датировок погребальных комплексов.

Бусы из склепа в количестве 83 экземпляров подразделяются на: стеклянные

одноцветные, стеклянные глазчатые и округло-ребристые; бронзовые провизы из свернутой в тонкую трубочку полоски; серебряные и каменные. Все они имеют аналогии в склепах и каменных ящиках Керченского полуострова [Яковенко 1970, с. 125; Бессонова и др. 1988, с. 57; Масленников 1995, с. 33, 42], таврских ящиках горного Крыма [Лесков 1967, с. 122; Крис 1981, с. 49; Колотухин 1996, с. 47]. Особенностью набора бус из данного склепа является наличие бронзовых бус-пронизей, которые характерны для кизил-кобинских памятников [Крис 1981, с. 49, 113, табл. 24,27,33; с. 115, табл. 35,25; с. 119, табл. 39,19,20; Колотухин 1996, с. 49], что может быть одним из аргументов при определении этнической принадлежности погребенных. В целом бусы из склепа № 3 датируются IV-III вв. до н.э. [Алексеева 1975; 1978].

Лепные пряслица достаточно часто встречаются в скифских погребениях [Яковенко 1970, с. 127] и каменных ящиках [Масленников 1995, с. 42] Керченского полуострова и таврских горного Крыма [Крис 1981, табл. 42,43; Колотухин 1996, рис. 33,52,55]. Пряслица округло-биконического формы со слегка вогнутой верхней поверхностью одного из торцов чаще других встречаются на сельских поселениях античной эпохи в округе Феодосии. Например, они найдены на поселении Ореховка 1 [Гаврилов 1987, рис. 38,40], Новопокровка 1 [Гаврилов 1999, рис. 5], Айвазовское, что свидетельствует об определенных традициях в их изготовлении и, соответственно, об этнической близости проживавшего здесь населения.

Находка в заполнении склепа фрагмента венчика лепного лошеного горшка с врезным геометрическим орнаментом кизил-кобинского типа также показательна в плане этнической принадлежности погребенных. Находки лепной керамики такого типа и ранее встречались в погребениях античной эпохи на Керченском полуострове [Корпусова 1972, с. 43, рис. 2; Бессонова и др. 1988, с. 48; Масленников 1995, с. 31]. Фрагменты подобной керамики и целые сосуды найдены на многих поселениях сельской округи Феодосии [Гаврилов 1997, рис. 6; 1998, с. 110]. В частности, большое количество фрагментов керамики такого типа собрано и на поселении Кринички 1, находящемся в 1,3 км к северу от данного курганного могильника [Гаврилов 1995, с. 6, рис. 24,26-29]. Поселение и выявленный курганный могильник относятся к одному времени и составляют единый комплекс. Таким образом, техника строительства склепа, погребальный обряд, инвентарь позволяют отнести данный памятник к смешанному скифо-кизил-кобинскому, эллинизированному, оседлому населению и датировать его IV – началом III вв. до н.э.

Процесс формирования скифо-кизил-кобинского населения мог быть следующим. В третьей четверти VII в. до н.э. в Восточном Крыму впервые появляются скифы [Мелюкова 1988, с. 15]. С этого времени начинаются их контакты с носителями кизил-кобинской археологической культуры, переросшие в VI в. до н.э. в довольно устойчивый симбиоз [Ольховский 1982, с. 76; 1991, с. 167; Щеглов 1988а, с. 57]. Смещение носителей кизил-кобинской культуры и скифов особенно интенсивно шло на границе степей и предгорий, а также на Керченском полуострове [Щеглов 1988а, с. 71; Храпунов 1993, с. 7]. Это нашло отражение в ряде погребений, имеющих черты скифского и кизил-кобинского погребального обряда [Масленников 1981, с. 22;

Ольховский 1982, с. 72, 73; Вдовиченко, Колтухов 1986, с. 239; Бессонова и др. 1988, с. 103; Ольховский, 1990, с. 34-36; 1991, с. 86; Айбабин и др. 1993, с. 213]. Картографирование таких погребений показало, что они располагались в зоне контактов скифов и кизил-кобинского населения от западного побережья Крыма до Керченского полуострова [Лесков 1965, с. 175; Храпунов 1993, с. 7], что в целом совпадает с северной границей тавров, указанной Геродотом [Herod., IV,99].

Скифы, обладая военным превосходством, очевидно, без сопротивления подчинили и частично ассимилировали какую-то часть автохтонного населения предгорий и крымской степи [Щеглов 1988, с. 72]. Возможно, что реальные события, связанные с покорением скифами аборигенного населения равнинного и предгорного Крыма, нашли отражение в легенде Геродота о потомках слепых скифских рабов [Herod., IV,3]. При этом, часть племен, населявших Горный Крым, могла остаться независимой и впоследствии получила общий этноним тавры [Щеглов 1988а, с. 57]. О подчиненном положении части тавров свидетельствует почти полное отсутствие оружия в их могильниках. Судя по материалам раскопок Акташского могильника на Керченском полуострове этот процесс завершился полной ассимиляцией тавров скифами в начале IV в. до н.э. [Бессонова и др. 1988, с. 101; Покас и др. 1988, с. 141; Колотухин 1996, с. 88].

Похоже, что родственное горным племенам тавров население равнинного Крыма вело полукочевой "скифский" образ жизни [Масленников 1995, с. 62] и после реальной ассимиляции скифами, очевидно, воспринималось греками, как скифы [Щеглов 1988а, с. 59]. Причем оно не создало какой-то особой культуры, отличной от скифской или таврской, не являлось особым этносом и по этой причине не нашло отражения в письменных и эпиграфических источниках [Храпунов 1995, с. 21; Колотухин 1996, с. 86]. Возможно, к этому полукочевому этносу относится могильник Фронтное I [Корпусова 1972, с. 41] и захоронения в каменных ящиках на Керченском полуострове [Масленников 1995]. Его социальное положение, очевидно, было более низким по отношению к скифам и таврам. В горной зоне Крымского полуострова таврское племенное ядро существовало еще довольно долго, по крайней мере, до II в. до н.э., когда Диофант последовательно воевал со скифами и таврами [Щеглов 1978, с. 133]. Лишь около рубежа нашей эры ассимиляция завершается и здесь, о чем свидетельствует этноним "скифо-тавры" и "тавро-скифы" в античных источниках [Ольховский 1990, с. 30; Колотухин 1996, с. 86].

Эти ассимиляционные процессы нашли также отражение в керамическом комплексе сельских поселений округа Феодосии, где, наряду с кизил-кобинской керамикой, имеются находки скифской посуды. Это указывает на проживание в них смешанного скифо-кизил-кобинского населения. Причем, кизил-кобинской керамики больше на предгорных поселениях, а скифской на степных, более удаленных от гор и моря. Подобная картина наблюдается в керамическом комплексе античных городов и сельских поселений Европейского Боспора [Кругликова 1975, с. 66, 77, 82], Керкинитиды [Кутайсов 1987, с. 35], Херсонесе [Савеля 1970] и Феодосии [Зеест 1953, с. 144]. Так, на многих ранних поселениях Европейского Боспора конца VI-V вв. до н.э.

также была обнаружена керамика как кизил-кобинского, так и скифского типов [Кругликова 1975, с. 31, 38, 50, 58, 68, 75, 82, 95, 97]. При этом И.Т.Кругликова затруднялась в определении этнической принадлежности жителей ранних поселений [1975, с. 31, 50]. Исходя из существующих материалов, можно предполагать, что в состав обитателей первых апойкий и сельских поселений конца VI-V вв. до н.э. на Керченском полуострове также входило смешанное скифо-кизил-кобинское население.

Массовый переход скифов к оседлости и земледелию, возрастание их численности в V – начале IV вв. до н.э. были напрямую связаны со спецификой экстенсивного животноводства [Масленников 1995, с. 66, 71; Гаврилюк 1995, с. 70]. Процесс оседания скифов на землю в Юго-Восточном Крыму, как и на остальной территории Европейского Боспора, происходил несколько раньше, чем в других местах что было обусловлено наличием греческих полисов и определенной сети поселений, которые стимулировали их седентаризацию и переход к новым формам хозяйствования. Особенно интенсивно это происходило в IV в. до н.э. [Гаврилюк 1995, с. 73].

Поскольку материалы из склепа у с. Кринички имеют аналогии в подкурганых погребениях варварского оседлого населения Керченского полуострова IV-III вв. до н.э., то нужно отметить, что погребальный обряд сельского населения Европейского Боспора этого времени все-таки существенно отличался от традиционного скифского. Основной его чертой было то, что могила стала длительно функционирующим склепом, в котором периодически совершались захоронения. Это было связано со многими причинами, основными из которых были: оседание на землю и переход к новым формам хозяйствования.

Причем, оседала как племенная знать, так и низшие слои населения. Верхушка скифского общества была даже заинтересована в оседании беднейшей части своих соплеменников на землю, так как имела от этого существенные материальные выгоды [Бунятян, Бессонова 1991, с. 24]. При этом знать стала эксплуатировать своих сородичей, используя их в качестве земледельцев, так как этого требовали новые экономические условия [Зинько 1991, с. 42; Гаврилюк 1995, с. 74].

Возникновение сети поселений в IV в. до н.э. с преимущественно скифским населением на глубинных землях региона предполагало их особое политико-административное подчинение. Очевидно, они находились под юрисдикцией скифов [Масленников 1995, с. 67; 1998, с. 89]. В пользу такого предположения свидетельствует отсутствие этнонима "скифы" в титулатуре Спартокидов, участие скифов в войне против Феодосии, а также сообщение Страбона о взимании кочевыми скифами дани с земледельцев за пользование землей [Strab., VII,4,6]. Оседание кочевников сопровождалось распределением и закреплением прав собственности над определенными угодьями как между различными племенами, так и родами внутри их. При этом лучшие земли доставались наиболее богатым родам. Аналогичный процесс хорошо отражен в средневековых письменных источниках [Гаврилюк 1995, с. 74, 75].

В ходе присвоения прав собственности на определенные земли, на них устраивались родовые курганные некрополи, которые как бы маркировали

принадлежащие этим родам территории [Мелюкова 1988, с. 20; Гаврилюк 1995, с. 78]. Так, поблизости от большинства сельских поселений округа Феодосии находятся довольно большие курганы высотой 2-10 м, которые, возможно, являются усыпальницами представителей знатных скифских родов или династов, осуществлявших протекторат над конкретными территориями региона и проживавшими на них сельскими общинами. О существовании у скифов Восточного Крыма в IV в. до н.э. таких царьков (династов) свидетельствует Диодор [Diod., XX,24,3]. О том, что часть этих курганов принадлежала скифам IV в. до н.э., свидетельствуют охранные исследования разрушенного кургана с большим количеством гераклейских амфор в скифском погребении у села Шубино Кировского района [Махнева, Баранов 1967, с. 157]. Примечательно, что находился он рядом с античным поселением Шубино I [Гаврилов 1994, с. 4]. Аналогичный курган с гераклейскими амфорами в скифском погребении был исследован близ села Краснофлотское Советского района [Махнева 1969, с. 257]. Такие же комплексы памятников отмечены на территории Европейского Боспора [Масленников 1998, с. 76].

Таким образом, лишь в конце V – начале IV в. до н.э. автохтонное скифо-кизил-кобинское население было значительно “разбавлено” и ассимилировано оседавшими на землю скифами [Масленников 1995, с. 35, 44]. Это отразилось и на материальной культуре поселений: ее основной фон стал преимущественно скифским и лишь погребальные памятники и лепная керамика отражают былую неоднородность сельского населения. Подавляющее наличие скифских черт в материальной культуре сельских поселений IV в. до н.э. собственно и дало основания считать варварское население Керченского полуострова скифским [Яковенко 1970, с. 133].

В середине VI в. до н.э. в Юго-Восточном Крыму появляется постоянное греческое население, которое при основании апойкии столкнулось здесь как с горными таврами и кочевыми скифами, так и со смешанным, полукошевым скифо-кизил-кобинским населением. К началу V в. до н.э. оно было относительно многочисленно и проживало, в основном, на границе горной и степной зон Крыма [Ольховский 1990, с. 34-36], откуда его отдельные группы переместились к античным центрам, где и были вовлечены в экономическую деятельность полисов [Колотухин 1996, с. 88]. Основание сельских поселений, очевидно, происходило при участии этих этносов.

Исходя из имеющихся археологических материалов можно утверждать, что оседание на землю скифо-кизил-кобинского населения в Юго-Восточном Крыму началось в конце VI – начале V в. до н.э., т.е. после появления здесь греков. Древнегреческая колония Феодосия выполняла роль своеобразного катализатора этого процесса. Контакты греков с местным населением характеризовались их взаимопроникновением в структуры греческих городов и поселений, вели к формированию семейно-родственных отношений и общей эллинизации варваров [Покас и др. 1988, с. 144]. Археологический материал ранних поселений отражает наличие таких контактов [Масленников 1995, с. 62; Гаврилов 1997, с. 142]. В частности, свидетельствует об этом и техника строительства склепа у с. Кринички. Уже около середины V в. до н.э. смешение пришлого и местного этносов в некоторых регионах Северного Причерно-

морья было достаточно заметным, о чем свидетельствует термин эллино-скифы у Геродота [Herod., IV,17]. Однако, в целом процент греческого населения в сельской округе Феодосии был, очевидно, незначителен и не оказывал большого влияния на сложение материальной культуры поселений.

Какова была социальная организация местного скифо-кизил-кобинского населения на момент возникновения первых поселений сельской округе Феодосии, можно лишь предполагать. Полукошевой образ жизни способствовал формированию у них малой семьи и семейно-родовой (кровнородственной) общины [Блаватский 1953, с. 172; Масленников 1995, с. 34, 35; Колотухин 1996, с. 81; Голубцова 1998, с. 108], а переход к оседлому образу жизни повлиял на изменение форм семьи и укрепление семейно-родовой (кровнородственной) общины. Свидетельством этому являются многократные использования для захоронений грунтовых могил и каменных ящиков на Керченском полуострове [Корпусова 1972, с. 46; Масленников 1995, с. 34; Колотухин 1996, с. 33]. Очевидно, каждый отдельный ящик или могила принадлежали членам одной семейно-родовой группы. Поскольку земледелие более трудоемко по сравнению со скотоводством, то это повлияло на появление более крупных производственных ячеек, таких как большая семейно-родовая община [Косвен 1963, с. 122; Массон 1976, с. 120, 156; Бессонова и др. 1988, с. 73; Масленников, 1995, с. 64; 1998, с. 76]. Она состояла из патриархальных семей, главы которых находились в близком родстве. Наличие коллективных захоронений в сырцово-каменном склепе у села Кринички свидетельствует в пользу существования большесемейной (кровнородственной) общины у населения сельской округе Феодосии в IV – III вв. до н.э.

Кроме этого, некоторые археологические материалы также указывают на существование здесь большой патриархальной семьи. В частности, местоположение и планировка жилищно-хозяйственных комплексов, изученных в процессе раскопок сельских поселений на территории Европейского Боспора и сельской округе Феодосии свидетельствуют, что в них проживала совокупность самостоятельных в производственном отношении, равных между собой семей [Кругликова 1975, с. 108; Гаврилов 1999, с. 76]. Очевидно, каждое сельское поселение представляло собой большесемейную (кровнородственную) общину-патронимию из нескольких родственных семей [Масленников 1995, с. 64]. При этом была возможна общинная собственность на землю, общие места отправления культов и захоронений.

Известно, что основной ячейкой кочевого скифского общества была малая индивидуальная семья с частной собственностью на скот. После оседания на землю у них также изменилась форма семьи и общины [Бунятян, Бессонова 1991, с. 22]. В частности, это должно было способствовать появлению такой формы общественной организации, как соседская община (она же сельская, территориальная или аульная) [ср.: Гаврилюк 1995, с. 78].

Такая община не обязательно вырастает из первобытной организации, она может возникнуть заново, на базе элементов распавшегося раннеклассового общества и не связана родственными отношениями. В основе этой общины лежат экономические (совладельцы общинных земель) и общественные (члены самоуправляющегося

коллектива) отношения [Косвен 1963, с. 112, 115; Павловская 1979, с. 149]. Определяющие структурные элементы соседской общины связаны с натуральным сельскохозяйственным производством и, прежде всего, с земледелием. Это – наличие совета старейшин; общее собрание всех свободных членов общины; право верховной собственности на землю. Необходимо отметить, что формирование соседской общины у оседавших на землю скифов было облегчено существованием семейно-родовой общины у местного скифо-кизил-кобинского населения. Коллективные захоронения исследованы в грунтовом скифских могильниках IV в. до н.э. у сел Приречное и Желябовка Нижнегорского района [Колотухин 1982, с. 84, 90, 91, 92, 95; Гаврилов, Тошев 1999, с. 160], что в свою очередь свидетельствует о существовании семейно-родовой (кровнородственной) общины у варваров, проживавших за пределами сельской округи Феодосии. Таким образом, в IV-III вв. до н.э. в Юго-Восточном Крыму наряду с формированием гетерогенного населения, могла постепенно оформляться и сельская община, формой организации которой, вероятно, была кома [Крутликowa 1975, с. 147; Голубцова 1998, с. 56, 106].

Не менее интересны и впускные одиночные погребения данного кургана №№ 2, 4, которые явно одновременны погребениям склепа. Возможно, что они имели иной социальный статус по отношению к захороненным в склепе. В связи с погребением № 4 нужно отметить, что большую устойчивость для Крыма традиции погребений со слабыми элементами скорченности исследователи объясняют контактами и смешением кизил-кобинского населения и скифов [Ольховский 1991, с. 154].

Погребение № 6 совершено в подбое, согласно типологии В.С.Ольховского – это катакомба I типа [1991, с. 27]. Такие детали обряда, как уложенные на тазовых костях кисти рук, перекрещенные в голенях ноги связывают обычно с восточным, савромато-сарматским влиянием. Наиболее характерны они для Восточно-Крымской группы памятников IV-III вв. до н.э. [Ольховский 1991, с. 139]. Датированными вещами из погребения № 6 являются бусы [ср.: Алексеева 1978, с. 49, 61, тип 33, 278] и наконечник стрелы [ср.: Мелюкова 1964, с. 25], которые имеют полные аналоги в скифских погребениях Восточного Крыма [Яковенко 1970, с. 125, рис. 13, 14] и в совокупности с другими деталями обряда позволяют отнести его к концу IV – началу III вв. до н.э. Оселок без отверстия вполне мог использоваться как ритуально-декоративная деталь костюма погребенной [Ольховский 1991, с. 157].

Таким образом, все погребения античного времени из кургана у села Кринички датируются почти в одних хронологических рамках, хорошо иллюстрируют и дополняют существующую информацию об этносоциальной ситуации на сельской округе Феодосии, являвшейся во второй половине IV в. до н.э. западной окраиной Боспорского царства. Они свидетельствуют об общности этнокультурных процессов на территории Европейского Боспора и сельской округи Феодосии в IV-III вв. до н.э., а также о продолжающемся процессе смешения и эллинизации скифского и кизил-кобинского этносов. Очевидно, что этнокультурная нивелировка этих территорий особенно усилилась после вхождения Феодосии в состав Боспорского царства.

Возможно, какая-то часть потомков этого смешанного населения проживала с III в. до н.э. в укрепленных пунктах феодосийской сельской округи, в частности, на

городище Сары Кая [Петрова 1996, с. 152]. Преемственность прежних традиций в лепной керамике и погребальном обряде, прослеживается здесь достаточно долго [Катошин 1996, с. 28]. Такая же ситуация наблюдается и на укрепленных памятниках Европейского Боспора [Масленников 1993, с. 10, 30; 1995, с. 67]. Как свидетельствуют последние исследования укрепленных прибрежных поселений Европейского Боспора, в результате событий, произошедших в конце первой трети III в. до н.э., местное варварское население не исчезло полностью. Более того, оно имело определенную этническую близость и общность исторических судеб с обитателями степного Крыма и Нижнего Поднепровья на протяжении IV-I вв. до н.э. [Масленников 1993, с. 34]. В целом, курганный могильник у села Кринички перспективен для дальнейших исследований, его материалы могут уточнить и прояснить некоторые детали этнической истории Юго-Восточного Крыма в античную эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И., Гершен А.Г., Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12, Ч. II.
- Алексеева Е.М. Раннее поселение на месте Анапы (VI-V вв. до н.э.) // КСИА. 1990. Вып. 197.
- Бессонова С.С., Буянтян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев, 1988.
- Буянтян К.П., Бессонова С.С. Про етнічний процес на Європейській частині Боспору в скіфський час // Археологія. 1991. №1.
- Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. Курган скифского времени в Северном Крыму // СА. 1986. №2.
- Гаврилов А.В. Отчет об археологических раскопках на территории МТФ с/х "Весна" Нижнегорского района и археологических разведках на территории к/х "Украина" Кировского района Крымской области // НА КФ ИА НАНУ, 1987/154.
- Гаврилов А.В. Курган эпохи бронзы у села Донское в Крыму // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991.
- Гаврилов А.В. Отчет об археологических разведках на территории Кировского и Советского районов Республики Крым в 1993, 1994 годах // НА КФ ИА НАНУ, 1994/329.
- Гаврилов А.В. Отчет о раскопках курганов в Кировском районе АР Крым в 1995 году // НА КФ ИА НАНУ, 1995/378.
- Гаврилов А.В. Исследование античного поселения у с. Новопокровка и разведки в Кировском районе // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь, 1997.
- Гаврилов О.В. Знахідка теракоти на античному поселенні Журавки 1 у Криму // Археологія. 1997а. №1.
- Гаврилов А.В. Отчет об археологических разведках на территории хозяйств Кировского района и Феодосийской административной зоны Автономной Республики Крым в 1995-1997 годах // НА КФ ИА НАНУ, 1997б/446.
- Гаврилов О.В. Нові дані про сільську округу античної Феодосії // Археологія. 1998. №1.
- Гаврилов А.В. Отчет об археологических шурфовках на античных памятниках Узун Сырт (вершина) и Узун Сырт (подножье) у села Южное Феодосийской административной зоны АР Крым в 1998 г. // НА КФ ИА НАНУ, 1998а.
- Гаврилов О.В. Античне поселення Новопокровка 1 у Південно-Східному Криму // Археологія. 1999. №1.
- Гаврилов А.В., Тошев Г.Н. Курган у села Желябовка в Криму // Stratum plus. 1999. №2.
- Гаврилюк Н.А. Скотоводство степной Скифии. Киев, 1995.
- Голубцова Е.С. Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998.
- Зеест И.Б. Раскопки Феодосии // КСИИМК. 1953. Вып. XXII.
- Зинько В.Н. Об этносоциальной стратификации сельского населения Европейской части Боспора в IV-III вв. до н.э. // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. II.

- Катюшин Е.А. Курганный могильник I в. до н.э. - II в. н.э. в окрестностях Феодосии // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
- Колотухин В.А. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства второй очереди Северо-Крымского канала в 1982 году // НА ИА НАНУ, 1982/5"Б".
- Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы - начале железного века (этнокультурные процессы). Киев, 1996.
- Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тошев Г.Н. Курганные древности Крыма. Вып. I. Запорожье, 1994.
- Колтухов С.Г., Тошев Г.Н. Курганные древности Крыма. Вып. II. Запорожье, 1998.
- Корпусова В.М. Про населения хори античної Феодосії // Археологія. 1972. №6.
- Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.
- Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1997 года на городище средневекового Солхата (Крым, Эски Крым) археологической экспедицией Отдела Востока Эрмитажа // НА КФ ИА НАНУ, 1997/482.
- Крамаровский М.Г., Хаврин С.В. Работы Старокрымской археологической экспедиции в 1997 г. // Отчетная археологическая сессия за 1997 год. СПб., 1998.
- Крис Х.И. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. 1981. Вып. Д1-7.
- Крутлик И.Т. Разведки в Старокрымском районе в 1956 г. // КСИИМК. 1959. Вып. 74.
- Крутлик И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Кутайсов В.А. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Материалы к этнической истории Крыма в VII в. до н.э. - V в. н.э. Киев, 1987.
- Кутайсов В.А., Анохин В.В., Приднев С.В., Уженцев В.Б. Охранные раскопки городища и некрополя Калос Лимена // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь, 1997.
- Лесков А.М. Горный Крым в I тысячелетии до н.э. Киев, 1965.
- Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI-II вв. до н.э. М., 1981.
- Масленников А.А. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху: Автореф. диссерт. д-ра ист. наук. М., 1993.
- Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма (к истории сельского населения Европейского Боспора в VI-I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. М., 1995. Вып. 8.
- Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Махнева О.А., Баранов И.А. Гераклеийские амфоры из южного Присивашья // Археологические исследования на Украине 1967 г. Киев, 1968.
- Махнева О.А. Находка гераклеийских амфор в Крыму // СА. 1969. №4.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.
- Мелюкова А.И. Народы Северного Причерноморья накануне и в период греческой колонизации // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. Тбилиси, 1988.
- Монахов С.Ю. Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Саратов, 1992.
- Ольховский В.С. О населении Крыма в скифское время // СА. 1982. №4.
- Ольховский В.С. До етнічної історії давнього Криму // Археологія. 1990. №1.
- Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М., 1991.
- Павловская А.И. Египетская хора в IV в. М., 1979.
- Петрова Э.Б. Греки и "варвары" античной Феодосии и ее округи в VI-II вв. до н.э. // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. V.
- Покас П.М., Назарова Г.А., Дьяченко В.Д. Материалы по антропологии Акташского могильника // Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев, 1988.
- Рогов Е.Я. Сирцовые конструкции в погребальных сооружениях некрополя Панское I // КСИА. 1985. Вып. 182.
- Савеля О.Я. О керамике с врезным орнаментом из Херсонеса // КСИА. 1970. Вып. 124.
- Силантьева П.Ф. Спиральные подвески Боспора // Труды Государственного Эрмитажа. 1976. Т. XVII.

- Уженцев В.Б. Античное городище Калос Лимен // Пилигримы Крыма. Симферополь, 1999.
- Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
- Храпунов И.Н. Об этнической принадлежности кизил-кобинской культуры // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
- Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь, 1995.
- Шапошникова О.Г. Ямная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Киев, 1985.
- Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
- Щеглов А.Н. Тавры в VII-первой половине IV вв. до н.э. и греко-таврские взаимоотношения / Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. Тбилиси, 1988.
- Щепинский А.А., Черепанова Е.Н. Северное Присивашье в V - I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь, 1969.
- Щепинский А.А. Кемь-обинская культура // Археология Украинской ССР. Киев, 1985.
- Яковенко Э.В. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970.
- Яковенко Э.В., Черненко В.П., Корпусова В.И. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970.

GAVRILOV A. V., KRAMAROVSKY M. G.

BARROW NEAR THE VILLAGE OF KRINICHKY IN THE SOUTH-EAST CRIMEA

Summary

In this article both the description and interpretation of the artifacts having being yielded under archaeological research of the burial mound situated near the village of Krinichky in the South-Eastern Crimea are presented. The barrow has been destroyed as a result of agricultural activity. During the excavation seven burials attributed to different archaeological cultures were found and studied: two of them belong to the Kemi-Oba archaeological culture, four - to the Scythian period and one - to medieval period.

The main central burial is distinguished as of the Kemi-Oba archaeological culture in the funeral rite of which wood, stone and clay had common usage. Those of the Scythian period dated back to the 4th - early 3rd centuries BC are of a particular interest. They were the intakes into the barrow and belonged to the settled agrarian population of the ancient Theodosia rural neighbourhood. Discovered burial mounds and the site nearby form a united complex.

The multiple burials (more than 30 skeletons) were performed in vault N3 made of stone and clay. The way of vault building, the funeral rites and the artifacts have numerous analogies among those Scythian barrows of the Kerch peninsula and the Taurian ones of the Mountainous Crimea. The artifacts from the vault testify to the mixed Scythian - Kizil-Koba (Taurian) population inhabited in there. They also prove the existence of the mutual ethnic and cultural processes on the territory of the European Bosphoros and on the Theodosia agricultural neighbouring in the 4th - early 3rd centuries BC.